

Э.А. ОРЛОВА

КОНЦЕПЦИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ/ ИДЕНТИЧНОСТИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА

***Аннотация:** В статье понятия «идентификация/идентичность» рассматриваются с антропологической точки зрения. Его составляющие — «самость» (self) и «я» (I) представлены соответственно через конечный набор антропологических универсалий и основанных на них наборах освоенных личностных характеристик. Это позволяет использовать понятия в инструментальных целях.*

***Abstract:** The article deals with the concepts of “identification/identity” regarded from an anthropological point of view. Its constituents — “self” and “I” — are represented respectively through the final set of anthropological universals, and the sets of developed personal characteristics based on these universals. This allows the use of the concepts as an investigative tool.*

***Ключевые слова:** адаптационные императивы, антропологические универсалии, интеракция, самость, способности, «я».*

***Keywords:** Adaptive imperatives, anthropological universals, interaction, self, abilities, I.*

В настоящее время тема идентификации/идентичности в социальных науках вновь обрела особую популярность. Однако если в 1950-х гг. ее интерпретация носила в основном психологический характер, то теперь она все более рассматривается с социокультурных позиций. В то же время, как и прежде, можно легко обнаружить одно и то же расхождение концептуального порядка. При многочисленных определениях понятий до сих пор остаются неотрефлексированными исходные теоретические допущения, на основе которых оно строится, и классы исследовательских ситуаций, в пределах которых оно становится необходимым. Ведь обращение к понятиям «я» и self (самость), которые используются в их «конечных» значениях и потому остаются неопределенными, не объяс-

Орлова Эльна Александровна — доктор философских наук, профессор, директор Института социальной и культурной антропологии ГАСК (Москва). E-mail: Orlovaelna@rambler.ru.

няет ни формирование идентичности (логику процесса идентификации), ни ее функционирование в контексте совместного существования людей. Соответственно без ответа остаются вопросы, как и почему (для чего) формируется и удерживается в представлениях и поведении людей самоотжественность социокультурной единицы – личности, сообщества, социетальной целостности – в биологическом, социальном, культурном, историческом масштабах времени¹.

Есть основания предполагать, что обращение к антропологическим допущениям позволяет если не полностью решить существующую проблему, то, по крайней мере, наметить пути к преодолению сложившейся ситуации. Такая процедура обеспечивает возможность выделить измерения и переменные, в рамках которых понятия «идентификация/идентичность» могут быть операционализированы и представлены в их генетическом, структурном и динамическом аспектах. Соответственно, они могут приобрести инструментальный характер, то есть стать пригодными для использования в исследовательских целях. Пока в социально-научных рассуждениях обычно констатируется их присутствие в социально значимых ситуациях. В то же время они вполне могут использоваться для систематического описания и объяснения вызываемых ими событий в контексте социокультурных интеракций.

Для осуществления такого рода преобразований важно выделить исходные антропологические допущения, определяющие фундаментальные связи человека с окружением, предполагающие теоретическую необходимость обращения к понятиям «идентификация/идентичность». Содержание этих связей предполагает концептуализацию результативной активности человека в отношениях с окружением. Речь идет о том, что позитивные и негативные выходы соответствующих взаимодействий согласно имеющимся теоретическим положениям фиксируются на уровне опыта как способы действий или механизмы, препятствующие их осуществлению, в рутинных и проблемных социокультурных ситуациях. На этом фундаментальном теоретическом основании можно строить представление об идентификации людей в качестве агентов/актеров в интеракционном контексте. Однако этого недостаточно. Следует выделить параметр в отношениях людей с окружением, который фиксировал бы содержательную сторону отождествлений приемлемого и неприемлемого.

¹ Подробнее об этом см.: Орлова Э.А. Концепция идентичности/идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 87-111. Антропологические основания изучения идентичности // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. 12. Вып. 4. С. 123-142.

В качестве такового можно обратиться к категории сложности форм активности, направленной на организацию и поддержание соответствующих связей. В данном случае она составляет социокультурное основание для рассмотрения идентичностей в качестве исходных единиц для культурной категоризации людей, действий, ситуаций.

Таким образом, фундаментальные связи людей с окружением, обусловленные антропологическими адаптационными императивами, становятся той предметной областью, где идентификацию и идентичность можно рассматривать как процесс и результат выделения устойчивых образований, характеризующих людей и артефакты как самоотждествленные и различающиеся. В этом контексте предполагается использовать методологические принципы, соответствующие решению выделенной здесь проблемы. Их можно свести к следующим основным:

– Конструктивизм – понятия «идентификация/идентичность» не субстанциональны, но конструируются как исследователем, так и их носителями.

– Реляционизм – идентичность приобретает в контексте связей человека с окружением, а не его «внутреннего мира».

– Интеракционизм – идентичность приобретает в ходе взаимодействия и коммуникаций с окружением, а не выстраивается индивидуально.

Теоретическая позиция, представленная в этой статье, предполагает ряд концептуальных ограничений. Прежде всего следует отметить, что исходным уровнем анализа является социальный, а не более глубокий биологический, хотя высказанные положения не противоречат соответствующим данным. Далее, понятия «идентификация/идентичность» трактуются более в контексте социальной, а не культурной реальности, поскольку автор придерживается точки зрения, что культура есть производная социальной жизни. Наконец, при трактовке понятий «идентификация/идентичность» предлагаются идеально-типические (а не «реальные») следствия из исходно принятых антропологических допущений.

Статья носит дискуссионный характер.

Исходные антропологические допущения

Объяснение происхождения и формирования способов различения и отождествления индивидов и сообществ, социальных и культурных фактов целесообразно строить на более фундаментальном уровне, чем структура личности или совокупность функциональных ролей. В данном случае принимается социально-антропологическая позиция. На основании сказанного выше можно выделить общую совокупность теорети-

ческих положений, позволяющую концептуализировать понятия идентификации/идентичности, операционализировать их и превратить в инструмент для изучения социокультурной микродинамики. В качестве исходных в данном случае принимаются следующие допущения.

1. При современном уровне социально-научного знания отношения человека с природным и искусственным окружением принято связывать с представлением о фундаментальных антропологических универсалиях. Речь идет о природных (врожденных) ограничениях, которые определяют спектр соответствующих связей и процессов, а также придают им значение адаптационно целесообразных.

2. Общепринятое допущение о социальной природе человека предполагает неизбежность сосуществования людей. Из этого следует необходимость совместной активности в поисках ответов на адаптационные императивы. Для аналитических целей имеет смысл выделять ее особые модальности, обозначаемые как взаимодействие и коммуникация (в совокупности называемые здесь интеракцией).

3. Результаты такой активности объективируются в форме артефактов, из которых конструируется социокультурное пространство. Это происходит через механизм отбора: из различных вариаций выбираются и сохраняются те, что оказываются эффективными и социально приемлемыми. Они становятся социальными и культурными фактами. Из них, в свою очередь, в ходе взаимодействий и коммуникаций отбираются те их сочетания, которые отвечают как индивидуальным запросам людей, так и поддержанию значимых для них социальных связей. Их адаптационно целесообразные совокупности нормируются и в этом качестве представляют собой социальные институты как на общесоциальном, так и на обычденном уровнях социокультурной реальности.

4. Относительная устойчивость и отчетливая символическая репрезентированность таких образований позволяет представить в этих терминах социокультурное пространство. Оно обеспечивает, с одной стороны, стереотипные социально значимые ситуации, с другой – организованность и воспроизводимость интеракций в их рамках. Эта идеальнотипическая модель образует систему соотнесения для изучения различных форм проявления социокультурной активности.

5. Динамика различений и отождествлений агентов/актеров, артефактов и их совокупностей определяется вариативностью проявлений социальных взаимодействий и коммуникаций. Для определения соответствующих идентификаций предлагается выделить идеальнотипические формы связей людей с окружением, с которыми можно соотносить реальные проявления совместной активности людей.

6. Соответственно выстраиваются две базовые модели:

– набор адаптационно значимых антропологических универсалий, порождающих, поддерживающих и изменяющих идентичности агентов/актеров и артефактов в процессах социального взаимодействия и коммуникации;

– мера сложности связей с окружением, представленная внутренней дифференцированностью и интегрированностью форм активности и ее символической репрезентированности, характеризующая качественную определенность идентичности.

Иными словами, фундаментальные формы различающихся по степени сложности связей людей с окружением обуславливают реализацию процессов идентификации и существование идентичностей в пределах различных ситуаций социального взаимодействия и коммуникации. В такой концептуализации понятия идентификации/идентичности становятся необходимым инструментом для изучения социокультурной микродинамики.

Построение теоретической базы для осмысления того, на какой основе идентифицируются люди и артефакты, предполагает обращение к таким антропологическим универсалиям, которые имеют решающее значение для адаптации. В данном случае представляется концепция человека, специально акцентирующая динамичность его связей с окружением. Это обусловлено исходным допущением, что процесс идентификации начинается лишь при необходимости различения людей и артефактов между собой и сопоставления их с другими.

Когда речь идет об интеракциях в пределах социокультурного пространства, важно подчеркнуть, что составляющие его объекты создаются и идентифицируются людьми, а они, в свою очередь, выделяют и типологизируют друг друга по социально значимым основаниям. Следовательно, в концепции человека важно выделить его активную природу. Артефакты и самоопределения люди порождают для своих надобностей. Соответственно, необходим акцент на способности человека к результативному взаимодействию. Это одна сторона вопроса. Другая заключается в том, что человека можно представить одновременно существующим в двух модальностях – социальной и индивидуальной. В первом случае целесообразно различать антропологические универсалии, присущие виду (свойства образного, понятийного и действенного освоения окружения, символизации внутренних состояний и внешней активности, использования знаков и вещей и т.п.), а также особенности поведения, деятельности, взаимодействия, присущие определенному сообществу (язык, нравы и обычаи, эстетические стили и т.п.). Во втором – акцент ставится на специфичных для каждого личностного типа конфигураци-

ях врожденных свойств и приобретенных в ходе социализации и инкультурации характеристик. Из сказанного следует, что дифференциальная база, определяющая различия/отождествления в пределах социокультурного пространства, опирается на концепцию человека как активного существа, имеющего одновременно индивидуальную и социальную модальности. Соответственно для результативного взаимодействия люди способны объединяться, а идентичности выполняют функцию знаков и символов, позволяющих людям распознавать друг друга и артефакты в контексте социально значимых ситуаций интеракции.

Антропологически универсальные и адаптационно необходимые свойства как основания идентичности

Концепция человека как активного существа, способного к результативному взаимодействию с окружением, предполагает выделение набора необходимых и достаточных врожденных свойств, являющихся предпосылками для участия в соответствующих процессах. Актуализация таких антропологических универсалий происходит под действием побуждений к адаптационной активности: потребности, желания, интерес (любопытство). Они обеспечивают идентификацию агента/актора в контексте адаптационно значимых связей с окружением:

Формирование образа возможных направлений и поля активности. Есть основания утверждать, что при возникновении внутренних побуждений к взаимодействию (потребности, желания, интерес) или внешних стимулов (изменения природного характера, просьбы, приказы, социальное давление и пр.) у людей «включаются» поисковые механизмы. На уровне образного восприятия они обуславливают формирование обобщенного целостного представления об организации совместной активности во взаимодействии с окружением. С одной стороны, определяется, в какой ограниченной совокупности направлений побуждение или стимул будут реализованы с наибольшей вероятностью. С другой — устанавливаются примерные границы, в которых взаимодействие может быть эффективным. С точки зрения адаптации это свойство обеспечивает первоначальное выделение пространства, в пределах которого могут реализоваться определенные побуждения. Оно описано в теориях формирования образа.

Проведение различия между сформированным образом поля активности и внешним по отношению к нему «фоном». Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о том, что человеческое восприятие предполагает постоянное, практически автоматическое соотнесение объекта внимания с другими элементами окружения. Причем сколь бы ни было сконцентрировано внимание на объекте, периферические каналы вос-

приятия продолжают фиксировать информацию, прямо не относящуюся к нему. Адаптационная значимость такой способности заключается в том, что автоматически отслеживается возможность исходящих извне как опасностей, так и дополнительных ресурсов. Соответственно, поле активности как целостность обретает внешние границы. В теоретическом отношении это зафиксировано в гештальтистской концепции «фон-фигура».

Практическая активность в выделенном поле в намеченном направлении. Как известно, людям свойственно, взаимодействуя с окружением, пытаться найти его элементы и виды активности, которые помогают достичь удовлетворяющих их результатов. Такие поиски принято называть «методом проб и ошибок». На этой основе формируется опыт отбора и идентификации «материалов», партнеров и способов действия, помогающих или препятствующих эффективному построению жизненной среды. С точки зрения адаптации речь идет о том, что выделенное поле активности начинает осваиваться практически. Такого рода возможности и их реализация рассматриваются в рамках теории деятельности.

Соотнесение целей, средств и результатов взаимодействия и идентификация соответствующих паттернов в установленных границах. Накопление эмпирического опыта, приносящего удовлетворительные результаты в поле усиленного внимания, обуславливает стандартизацию путей их достижения. В науках о человеке принято выделять такие основные составляющие процесса, как цели, средства, результаты направленной активности, которая вследствие этого приобретает устойчивую упорядоченность, называемую деятельностью. Адаптационная целесообразность этого свойства представлена концептом рациональности, фиксирующим воспроизводящиеся аспекты организованной активности. В рамках социологии последовательности такого рода представлены в теории рационального действия.

Взаимодействие с элементами окружения и деятельность в ходе достижения результатов. Известно, что человеческая активность при всех ограничениях ее проявлений имеет достаточно широкую открытость по отношению к окружению. Иными словами, каждый имеет возможность воспринимать значительные по величине множества разнокачественных воздействий извне и отвечать на них таким образом, что значимые для него элементы окружения и его действия образуют устойчивые связи. В то же время, если какие-либо элементы окружения оказываются ненужными в процессе взаимодействия или нейтральными по отношению к нему, можно прервать ранее установившиеся связи с ними. Это свойство вступать в контакт с элементами окружения и прерывать его распространяется у людей на природные объекты, на созданные ими вещи, образы, друг на

друга. С точки зрения адаптации оно значимо, поскольку обеспечивает возможность варьировать и изменять интеракционные связи. Подобные феномены отображены в структурно-функционалистских концепциях взаимозависимости и функциональной автономии.

Формирование стереотипов деятельности и взаимодействия с элементами окружения. Как свидетельствуют многочисленные исследования, повторение отдельных актов, определенные сочетания которых при многократном повторении приводят к однотипным результатам, складываются в стереотипные последовательности. Формируются своего рода алгоритмы результативной активности в ответ на определенные классы внешних стимулов или внутриличностных побуждений. Они выполняют функции устойчивых ограничителей и организаторов активности в повторяющихся обстоятельствах. Иными словами, образуются стандартизованные ситуации, и людям не надо каждый раз заново определять соответствующие способы взаимодействия. Такого рода свойство объединять совместные действия в стереотипные последовательности для достижения воспроизводящихся результатов в свете представления об адаптации помогает экономить усилия людей и при необходимости объединяться для реализации однотипных побуждений. Это подробно описано в функционалистской теории социальных институтов.

Ожидание возможных непредвиденных вмешательств в процесс взаимодействия. Многие психологи и антропологи обращали внимание на то, что при формировании образа окружения, при целенаправленной деятельности, при концентрации внимания на каком-то объекте или ситуации у людей все же остается открытой так называемая периферия восприятия. Сколь бы ни был поглощен каждый из них каким-то занятием, он в известной мере готов к возможным воздействиям из окружения, находящегося за пределами поля его активности. Иными словами, представление о случайности, непредвиденных обстоятельствах, открывающихся возможностях можно считать встроенным в сами механизмы человеческого восприятия. Такое свойство в адапционном смысле хорошо дополняет способность к формированию стереотипов, поскольку делает возможным их деконструкцию при несоответствии изменившимся обстоятельствам и вообще придает отношениям человека с окружением вероятностный, а не строго детерминированный характер. Об этом свидетельствуют психологические теории восприятия и концепции когнитивной антропологии.

Итак, в обобщенном виде были выделены следующие универсальные антропологические свойства, релевантные концептам идентификации/идентичности:

– ориентировка: выделение пространства возможной активности; отграничение его от «фонового» окружения; определение направленности активности;

– активность, обусловленная, согласно К. Попперу, пробами и исправлением ошибок: во взаимодействии с элементами окружения продвижение к достижению возможных конечных результатов с параллельным отбором подходящих средств;

– организация совместной активности: она обусловлена необходимостью приспособливаться к императивам окружения, сопротивляться им, действовать, принимая во внимание их возможности, способствовать или препятствовать реализации побуждения;

– рациональность, позволяющая закреплять успешный и неудачный опыт достижения результатов в интерсубъективной форме; выделять идеальные, контингентные, наихудшие соотношения «цели-средства»; оценивать собственные возможности и ресурсы в соотношении с каждым из них; определять формы/парадигмы интеракции в ходе получения желаемого результата.

Выделенный набор свойств с концептуальной точки зрения можно считать необходимым и достаточным. Его необходимость обусловлена тем, что перечисленные компоненты характеризуют целостный процесс адаптации людей в окружении: от его освоения как среды совместной активности до получения желаемых результатов. Достаточность связана с указанием на основные антропологические универсалии, действие которых способствует упорядочению взаимодействия; это свойства – воспринимать воздействие окружения; организовывать ситуацию взаимодействия; результативно действовать в ситуации, – которые нашли отражение в фундаментальных положениях авторитетных теорий.

Антропологически универсальные способности, обеспечивающие идентификацию в контексте результативной активности

Перечисленные антропологически универсальные врожденные свойства указывают только на адаптационно значимые связи человека с окружением. Однако если принимать во внимание их активное осуществление, то необходимо понятие, которое определяет меру их реализуемости. В данном случае предполагается, что они находят выражение в способностях, определяющих различия в степени их проявленности в отношениях человека с окружением. Иными словами, в контексте конкретных ситуаций взаимодействия способности трансформируют вызванную внешним или внутренним побуждением активность в упорядоченную деятельность. Как уже отмечалось, социокультурное пространство харак-

теризуется определенной стандартизованностью, предполагающей различение и отождествление составляющих его артефактов, а также агентов/акторов осуществляющихся здесь интеракций. Соответственно, для определения антропологической базы такой идентификации человек как активное, результативно действующее существо может быть охарактеризован следующими способностями:

– Образному восприятию поля активности, отделению его от фона остального окружения, общему видению себя в этом поле соответствует способность людей к формированию образов реальности, к эстетическому, в широком смысле слова, ее осмыслению. В идеально-типическом смысле эта способность составляет основу первоначального определения ситуации интеракции, ее идентификации как соответствующей конкретному типу побуждений.

– Адаптационно необходимая совместная активность в выделенном поле обуславливает способность к взаимодействию, то есть коллективным целенаправленным действиям со специально отобранными элементами окружения для достижения определенного результата. В этом случае агенты/акторы совершают пробные действия и отбирают совокупности артефактов, соответствующие характеру выделенной ситуации.

– Свойство познавать окружение применительно к процессам интеракции в границах установленной ситуации реализуется в способности человека к рационализации ее компонент и своего места в ее пределах. Соответственно результаты практических отборов из предшествующих проб и ошибок фиксируются и осмысляются в качестве целесообразных.

– Результативному взаимодействию с окружением отвечает способность людей к организации своих связей с его элементами в динамические управляемые системы, или парадигмы взаимодействия. Речь идет о возможностях объединения людей в сообщества, функциональное предназначение которых определяется адаптационной необходимостью, которая становится аттрактором для их образования. Они идентифицируются по отношению друг к другу таким образом, чтобы различаться в отношении дальнейших объединений или противостояний.

– Свойство контролировать отношения с окружением в процессах достижения определенных результатов отражается в способности людей к формированию устойчивых регулятивных образований. Это означает, что деятельность начинает осуществляться в соответствии со сложившимися в ходе ее воспроизведения правилами, а формы взаимодействий и коммуникаций нормируются, то есть устанавливаются пределы требований, запретов и предписаний, общеобязательных для соблюдения в контексте социально значимых интеракционных ситуаций.

– Вероятностная природа связей человека с окружением, внимание к случайному, непреднамеренному, непредвиденному объективируется в способности к формированию метафизических представлений о реальности. В этом случае идентифицируется сама возможность такого рода событий.

Сказанное позволяет сделать вывод, что можно выделить фундаментальные человеческие свойства и способности в качестве предпосылок для идентификации людей как агентов/актеров и артефактов как условий и медиаторов в адаптационно значимых ситуациях взаимодействия и коммуникации. К ним относятся:

– Ориентационные свойства, которые проявляются в следующих способностях: формирование образа, различение между образом и фоном, структурирование образа в соответствии с побуждением.

– Свойство продвигаться к реализации побуждения определяет способности к активным отношениям с окружением, к их осмыслению.

– Свойство по-разному отвечать на императивы окружения подразумевает способности к формированию парадигм взаимодействия с ним.

– Свойство закреплять опыт результативной активности в интересующей форме реализуется в способностях, во-первых, его рационализации и, во-вторых, в разграничении и фиксировании успешных и неудачных проявлений активности.

Необходимость и достаточность этих антропологических характеристик для изучения процессов различения/отождествления в контексте отношений людей с окружением следуют из того, что было сказано об универсальных врожденных свойствах человека.

Если последние можно считать равно присущими всем без исключения индивидам вида *homo sapiens*, то способности развиваются у людей неодинаково в зависимости от их непосредственного опыта взаимодействия с окружением. Таким образом, обращение к этому понятию позволяет придавать антропологическим универсалиям определенную конфигурацию, форма которой дает возможность типологизировать людей с точки зрения выраженности (доминирования) одних способностей по отношению к другим. Это может служить первоначальным основанием для определения их идентификационных ориентаций.

Процедуры, в которых реализуются способности к идентификации в контексте результативной активности

В процессах интеракции, при реализации определенных побуждений, достижении желаемых результатов представленные выше способности трансформируются в конкретные процедуры деятельности. Они

закрепляются в навыках, которые приобретаются и формируются в повторяющихся ситуациях при многократном воспроизведении однотипных действий. В ходе использования и отработки процедур происходит структурирование способностей, их развитие. В результате отношения с окружением становятся более дифференцированными, организованными, подконтрольными агентам/акторам. Это означает, что в таком контексте устанавливаются разделяемые участниками взаимодействий и коммуникаций различия/отождествления как самих себя и друг друга, так и используемых артефактов.

В соответствии с названными выше врожденными антропологическими свойствами и способностями людям, чтобы совместно достигать желаемых результатов, приходится осваивать следующие классы процедур:

– способность к формированию образов и отделения их от «фона» в контексте связей человека с окружением подразумевает овладение процедурами выделения пространства активности, проведения границ между ним и остальным окружением. Речь идет о навыках формировать образ непосредственной социальной, предметной и символической среды как пространства взаимодействий и самореализации. Это подразумевает умение идентифицировать его значимые элементы как объекты особого внимания;

– способность к активным отношениям с окружением проявляется в процедурах проб и ошибок, соотнесения результатов и побуждений, выявления собственных возможностей и ресурсов в контексте этих отношений. Все это происходит в процессе осуществления конкретных действий в отношении объектов окружения, в ходе которого приобретаются и реализуются навыки отбора и закрепления тех, которые приводят к желаемым результатам;

– способность людей к формированию парадигм отношений с окружением выражается в процедурах объединения для совместной результативной активности, определения ее цели, характера отношений друг с другом в процессе продвижения к ней, критериев оценки хода и результатов взаимодействия. Для этого необходимо уметь соотносить элементы пространства совместной активности или собственной жизненной среды с более широким социальным, культурным, природным контекстом. Использование таких навыков позволяет выделять значимые элементы среды как объекты результативного взаимодействия, выбирать цели и подчинять их достижению применяемые средства и собственные действия;

– способность контролировать ситуации интеракции предполагает необходимость уделять специальное внимание определенным элементам

окружения. Во-первых, устойчивым — тем, которые определяют границы предполагаемых результативных взаимодействий и коммуникаций, пространства, в пределах которого необходимо совместное приложение усилий. Во-вторых, тем, которые можно произвольно видоизменять или использовать инструментально. В этом контексте необходимы навыки, позволяющие упорядочивать последовательность действий в повторяющихся ситуациях, связанных с реализацией определяющих их побуждений;

— способность к рационализации опыта результативной активности предполагает ее трансформацию в деятельность: рефлексивное выделение и соотношение ее целей, средств (ресурсов и инструментов) и результатов. Все это позволяет определять меру устойчивости соответствующих связей и учитывать возможность вмешательства случайных и непредвиденных факторов; предусматривать вероятность и предполагать последствия их взаимных воздействий. Способность к разграничению и фиксации многочисленных успешных и неудачных проявлений активности проявляется в процедурах нормирования: установлении границ «требуется-запрещается» в контексте совместной активности людей, порождаемой определенными побуждениями.

Следует подчеркнуть, что такого рода процедуры не являются врожденными. Они приобретаются в процессах социализации и инкультурации. Соответственно, чтобы их успешно использовать, следует тренировать приобретенные навыки, пополнять и удерживать полученные знания; не давать им угасать.

Поскольку названные связи людей с окружением являются фундаментальными, а человек исходно есть социальное существо, то их проявления на уровне психической и физической активности имеют не только индивидуальную, но и общественную значимость. Представления о социальной природе человека, способности людей к объединению в процессе совместного достижения желаемых результатов позволяют говорить о необходимости кумуляции и трансляции соответствующего опыта в общественно установленных формах. Сложившиеся в этом контексте различения/отождествления становятся важным ресурсом повышения эффективности процессов социального взаимодействия и коммуникаций. Они осваиваются людьми в ходе социализации и инкультурации и используются как знаки, как пусковые механизмы и регуляторы совместной активности в адаптационно значимых интерактивных ситуациях.

Однако степень развития способностей у разных людей неодинакова. Она зависит от тех потребностей в отношениях с жизненной средой, которые оказываются наиболее актуальными. Поэтому если набор антропологических свойств универсален, то конфигурации способнос-

тей и владения процедурами типологически различаются: ведущими становятся одни, тогда как другие оказываются менее развитыми. Такая неоднородность детерминирует избирательность в отношениях людей с окружением.

Из сказанного следует, что врожденные свойства и их акцентуация в виде предпосылок для конфигурации способностей можно считать операционализацией концепта self (самость), поскольку они отражают специфику соотношения фундаментальных антропологических характеристик. С этой точки зрения людей можно различать и типологизировать по содержанию их самости, то есть по конфигурациям способностей. Однако этого недостаточно. Развитие способностей и объективирующих их заученных процедур происходит в ходе освоения и использования в адаптационно значимых интерактивных ситуациях. Они становятся предпосылками формирования того, что принято обозначать как «я». Именно они в этом контексте действуют в качестве механизмов идентификации и образуют актуальные идентичности в зависимости от их количественной и качественной определенности.

Это позволяет перейти к другому измерению процессов различения/отождествления — сложности организации активности людей в отношениях с окружением.

Сложность знаний и навыков как социокультурное основание концептуализации понятий идентификации/идентичности

В проблемных ситуациях люди обращаются к процессам идентификации и к актуальным идентичностям как к социально значимым фундаментам опыта, обеспечивающим нормализацию их совместной жизни. Чтобы дифференцировать качественную определенность этих понятий, следует обратиться к рассмотрению связей между обыденным и специализированным уровнями социокультурной реальности². Первый определяется непосредственными межличностными отношениями и по большей части неререфлексивными приобретением и реализацией жизненного опыта. Второй характеризуется тем, что соответствующие знания и навыки приобретаются путем специального обучения, а их использование предполагает периодическое обращение к рациональным процедурам.

Связи между этими уровнями не следует рассматривать как линейные и непрерывные. Разумеется, каждый человек, участвующий в общественном разделении труда, является носителем и профессионального, и

² См.: Орлова Э.А. Концепция социокультурного пространства: познавательные возможности // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. IX. Вып. 3 (№ 37). С. 96-112.

обыденного опыта. Более того, взаимодействие и коммуникация представителей разных специализированных областей осуществляются через обыденные культурные формы. Тем не менее это не предполагает постоянного непосредственного контакта между уровнями. Скажем, обыденная жизнь представителей большинства исполнительских профессий – рабочие, работники сферы обслуживания, инженерно-технический персонал и служащие среднего звена – может быть свободной от существенных элементов их профессиональных знаний. В то же время профессиональные ученые, художники, юристы, политики, религиозные деятели сознательно или неосознанно включают специализированные знания и навыки в свое повседневное существование. Далее, в образе жизни различных людей специализированные области представлены в специфичных по количеству и составу композициях: они обращаются отнюдь не ко всем из них и не к одинаковым их наборам. Например, любители искусства вполне могут быть равнодушными к процессам, происходящим в науке, или к религиозным обрядам и ритуалам. Тогда как историки, философы, представители социальных наук охватывают в своем познании широкий спектр общественной жизни прошлого и настоящего. Наконец, в отдельных специализированных областях обыденная жизнь отображается с различной степенью полноты, и интерес, проявляемый к ней, неодинаков. Так, она еще только начинает изучаться в отечественной науке, но уже давно интенсивно осмысливается в современном искусстве. Такое неоднородное соотношение обыденного и специализированного опыта определяет содержательную базу для дифференциации оснований, используемых разными людьми при идентификации окружения и самих себя.

В свою очередь специализированные области социокультурного пространства различаются по степени реализации способности человека порождать и осваивать новое. Во-первых, некоторые из них являются источниками культурных инноваций в большей степени, чем другие. Таковы, например, наука, искусство, политика. Во-вторых, в определенных областях осмысление последствий новых событий и артефактов для человека происходит с акцентом на их уникальность в отличие от других, где их стараются редуцировать к уже хорошо известному. Например, к первому типу относятся наука, искусство, а ко второму – религия, право. В-третьих, деятельность в различных областях формирует у людей неодинаковый интерес к инновациям, различную степень развитости навыков к их созданию и освоению. Соответственно в этом контексте формируются разнокачественные способы различения/отождествления, ориентированные на взаимодействие и коммуникацию либо в стандартных ситуациях, либо на поиск нового.

Последнее обстоятельство имеет особую важность для дальнейшей дифференциации представлений о процессах идентификации и обращения к идентичностям в контексте социокультурной жизни. В качестве показательного примера можно использовать систему общественного разделения труда, где различия между исследовательско-экспериментальными, организационными, исполнительскими типами деятельности оказываются совершенно очевидными. К первому относятся поиск нового, разработка решений социально значимых проблем на интеллектуальном и социально-практическом уровнях. В этом случае особую важность приобретают фундаментальные знания, относящиеся к предметной области, и навыки деконструкции/реконструкции ее компонент. Второй связан с объединением людей для совместного целедостижения. Он характеризуется навыками мобилизации (в том числе средствами принуждения) людей к участию в функционировании сложившихся организационных структур и осуществления контроля над их поддержанием и эффективностью. Третий включает в себя совокупность действий, обусловленных замыслами исследователей-экспериментаторов и осуществляемых под руководством организаторов. Ему свойственны рутинные формы активности, приводящие к стандартным результатам в воспроизводящихся ситуациях. В этом случае речь идет о различных типах не только деятельности, но и оснований для различения/отождествления связей с окружением и своей позиции в их контексте.

Для исследовательско-экспериментального типа деятельности характерны весьма сложные и развитые представления о тех сторонах окружающего мира, с которыми профессионалы имеют дело, и навыки обращения с его элементами. Сегодня здесь утвердилась генетическая позиция в рассмотрении объектов изучения, объединяющая знания о прошлых, настоящих и будущих его состояниях. В отношениях с окружением профессионалы руководствуются «антропным» конструктивным принципом, определяющим и ограничивающим возможности человека в активном целенаправленном воздействии на него. Особое внимание они уделяют изменчивым, несистемным, переходным и зарождающимся феноменам реальности. Этими людьми в соответствующих областях культуры накоплен существенный запас сведений о природе, человеке, обществе, возможностях и пределах их интенционального преобразования.

В гуманитарных областях знания, общественных науках, в искусстве специалисты постоянно осмысливают и конструируют различные способы взаимодействий и коммуникаций в меняющейся социокультурной среде, выявляют сходство и различия таких способов в разные времена, в разных культурах, у разных групп людей. Благодаря пребыванию в тако-

го рода культурной среде и активному поиску нового приобретаются и развиваются навыки оперирования множеством разнокачественных представлений, «моделирования» из них разнообразных значимых для людей ситуаций, проверки адекватности моделей с помощью профессионально доступных средств. Все подобные функции связаны с постоянным выявлением проблемных ситуаций и отыскиванием путей их решения. В таком контексте приобретаются и совершенствуются навыки тонкого различения событий, происходящих в рассматриваемой предметной области — философской, научной, художественной. Люди научаются иметь дело с различными идентичностями одних и тех же объектов в разных ситуациях. Они приобретают опыт рефлексивно менять «позицию наблюдателя» в зависимости от характера решаемых проблем и задач. Соответственно их основания для идентификации связей с окружением и своего места в их контексте оказываются наиболее сложными и подвижными по сравнению с другими типами профессиональной деятельности. Таким образом, эти виды деятельности, являясь источниками культурных инноваций, одновременно обеспечивают способы и навыки адаптации к ним.

Далее следует обратиться к тому виду профессиональной деятельности, который ориентирован на организацию взаимодействия и ресурсов для решения социально значимых проблем или поддержания существующих институциональных единиц. Долгое время он характеризовался — а в отечественной культуре характеризуется и теперь — чисто практическими знаниями и навыками. Они приобретаются скорее на уровне повседневного опыта, нежели путем специализированного обучения, основанного на фундаментальном знании. Программы функционирования здесь ориентированы на текущую ситуацию, хотя и включают в себя наряду с настоящим краткосрочные перспективы и ретроспективу.

Используемые навыки реализуются в тактической и стратегической модальностях. В первом случае речь идет об организации людей для кратковременной совместной деятельности, при которой достигается разовый эффект. Во втором предполагается поддержание долговременного социального взаимодействия (институционального или межличностного) для решения конкретных задач. Проблемные ситуации для организаторов/руководителей возникают каждый раз, когда приходится иметь дело с очередной группой, с ее переориентацией на решение непривычных, но стандартных задач, когда возникают межличностные или функциональные конфликты внутригруппового и межгруппового характера. Со временем у этих людей вырабатываются стереотипные методы разрешения типичных проблемных ситуаций, которые автоматически переносятся на новые условия.

Одна генеральная функция, определяющая такие виды деятельности, связана с организацией участников социального взаимодействия лишь в той степени, в какой это необходимо для воспроизведения производственных процессов, их внутри- и межотраслевой координации, распределения продукции. Само производство сегодня во многом основано на принципах естественнонаучной рациональности. Они, как известно, исключают антропологическое измерение, а так называемый человеческий фактор считается источником нежелательных возмущений в рамках механистически организованных систем. Эти стереотипы сохраняются в управлении всей областью общественного разделения труда. В то же время очевидно, что попытки подчинить им активность людей находятся в постоянной конфронтации с биологическими либо чувственными или эмоциональными свойствами человека. Ибо то, что, по расчетам, представляется оптимальным для функционирования производства, часто не может удовлетворить людей ни по физическим, ни по психическим параметрам.

Другая функция управления — организация массовых и групповых целенаправленных социальных действий. Это политическая деятельность. Сегодня в стране она также не имеет солидной профессиональной базы. Накопленные в прошлом немногочисленные и достаточно примитивные образцы политической организации — ориентация на карательные меры, на иерархию управления-подчинения, на искусственное поддержание социального напряжения и т.п. — в настоящее время, как и прежде, уже доказали полное отсутствие социальной эффективности. Перенесение механистической логики управления на социокультурную политику не дало позитивных результатов. Замена не была найдена, что привело к фактическому отсутствию в стране такой функциональной области, как социокультурная политика. В то же время в современных условиях, отличающихся многообразием и динамизмом событий, все более значимыми становятся идентификация новых ситуаций, конструктивная организация в их рамках совместного существования разнородных групп людей, их жизненных сред. В этом случае необходимо, чтобы политика приобретала профессиональный статус, основанный на специализированном опыте различения/отождествления динамичных социокультурных ситуаций. Но сегодня подобный опыт еще не накоплен. Соответственно эти виды деятельности достаточно просты и стандартны и потому не требуют от субъектов управления обращения к их функциональным и познавательным основаниям. А консервация соответствующих навыков становится источником стандартных идентичностей, порождающих негативные социальные явления. Устаревшие формы иден-

тификации политических ситуаций, агентов и акторов продолжают воспроизводиться в контексте изменившихся массовых процессов. Такое столкновение порождает конфликтные ситуации в обществе, разрушительные как для стереотипов управления, так и для элементов социального порядка, которым они соответствовали в прошлом. Отсутствие привычки к рефлексии, ориентация на возможно более быстрое достижение результата стандартными способами делают основания идентификации/идентичности ограниченными, что способствует воспроизведению напряжений в ситуации, когда необходимо интегрировать социокультурные изменения в приемлемые для большинства членов общества практико-идеологические модели.

Исполнительно-технические функции в отличие от деятельности первых двух типов не связаны ни с социальной практикой по установлению, поддержанию и изменению связей с окружением, ни с полным контролем над ситуацией в целом. На производстве, в сфере обслуживания, на уровне администрации среднего и низшего звеньев функциональные параметры исходно заданы не теми, кто работает, а заранее установленными нормами и правилами. Сегодня в области исполнительской деятельности существует высокая степень внутренней дифференциации, поскольку лишь при условии узкой специализации оказывается возможным на практике обеспечить удовлетворение меняющихся запросов членов современного многослойного общества. В этом случае люди выполняют свою профессиональную работу, слабо осваивая даже объективированное в ее процессе и продукте естественнонаучное знание. Социологические и антропологические представления о людях, обществе, культуре в состав профессионально необходимых сведений не входят. А социальные отношения регулируются главным образом обыденными средствами. Проблемные ситуации, согласно действующим здесь нормам, представляются крайне нежелательными. Их стремятся свести к возможному минимуму за счет совершенствования организации труда, технологий, средств управления. Обычные профессиональные ситуации и роли по типам немногочисленны и довольно однообразны по содержанию. Соответственно приобретает и используется лишь ограниченный набор достаточно простых навыков их идентификации. Множество таких специалистов независимо от своего желания и понимания участвуют в более широких процессах общественного производства, социокультурной жизни, результаты, которых им не подконтрольны и даже часто не осознаются. Тем не менее эти факты становятся частью их жизненного мира, воплощаясь в новые практики, предметы быта, элементы предметно-пространственной среды.

Парадокс состоит в том, что людям, участвующим в производстве инноваций, со временем приходится осваивать их, приспосабливаться к ним, включать в свою повседневную жизнь. Затруднения здесь неизбежны, ибо для представителей исполнительно-технических функций характерен относительно узкий спектр знаний и навыков, определяющих содержательную базу различений/отождествлений, к которым они прибегают в своих отношениях с окружением.

Обобщая сказанное, следует еще раз подчеркнуть, что сложность выполняемой людьми деятельности как основание идентификации/идентичности социокультурной единицы (личности, сообщества) можно ранжировать следующим образом.

Исследовательско-экспериментальная активность предполагает следующие основные функции и навыки:

– решение проблем путем не только комбинаторики из имеющихся артефактов, но выход за нормативные пределы в поисках новых возможностей;

– экспериментирование с артефактами не только на символическом, но и на физическом и социальном уровнях (в том числе и на самих себе);

– поиск оснований новых возможных порядков, что предполагает, во-первых, умение противостоять консервативному окружению и, во-вторых, существовать в маргинальном социокультурном пространстве.

В этом контексте приобретаются и воспроизводятся навыки различения/отождествления, обусловленные постоянным существованием в ситуации необходимости решать задачи и проблемы, то есть взаимодействием с новыми аспектами окружения. Отношения с ним должны носить характер диалога, а не кристаллизоваться в «субъект-объектную» позицию. Это дает возможность менять «позицию наблюдателя», что позволяет увидеть окружение в неординарном ракурсе. Ориентация на поиск предполагает умелое сочетание методов проб и ошибок и рациональной рефлексии, а также верификации и фальсификации полученных выводов. Навыки таких людей не приносят значительной пользы в идентификации рутинных ситуаций, зато они необходимы в распознавании проблемных. Сложность деятельности здесь определяется знанием, во-первых, нормативных порядков, во-вторых, их слабых мест; далее, представлениями о возможностях выхода за их пределы; наконец, умением прогнозировать его последствия (хотя не всегда).

Организация людей для реализации совместной активности в определенных социально значимых ситуациях – проблемных и рутинных? предполагает выполнение ряда основных функций и владение определенными навыками:

– распределение ролей в соответствии с предназначением системы в рутинных ситуациях и с необходимостью преодолевать затруднения – в проблемных;

– контроль над реализацией предписанных действий в нормативно установленных границах в рутинных ситуациях и мобилизация участников для сохранения существующего порядка – в проблемных;

– идеологическое поддержание нормативных и ценностных оснований социальной системы в обоих типах ситуаций.

Люди, занимающиеся такого рода деятельностью, приобретают и воспроизводят навыки поддержания порядка в нормативно установленных пределах тремя основными способами – авторитарным, патерналистским, партнерским. Выход поведения участников за нормативные рамки «организаторы» трактуют как отклонение. Они осваивают и используют способы идентификации окружения и самих себя, которые оказываются недостаточными, когда необходимым становится изменение существующего нормативного порядка. Сложность деятельности и представлений об окружении здесь определяется возможными комбинациями из установленных нормативных единиц и заученных паттернов руководства. Соответственно идентичности, которыми оперируют такие люди, оказываются упрощенными по сравнению с предыдущим случаем.

Исполнительской активности соответствуют такие основные функции и навыки, как:

– выполнение предписанных наборов действий, в разработке и распределении которых исполнители не принимают участия;

– осуществление деятельности в заранее установленных нормативных пределах, масштабы которых неподвластны исполнителям;

– устраненность от ситуаций выработки и принятия социально значимых решений;

В этом случае приобретаются и воспроизводятся навыки рутинного существования с вариациями поведения в пределах установленных норм и правил (какими бы они ни были); сопротивления переменам даже в лучшую для исполнителей сторону. Сложность деятельности здесь минимальна по сравнению с двумя предыдущими типами: она определяется единичными заученными навыками. Соответственно спектр различий/отождествлений оказывается достаточно узким. Навыки таких людей нужны как в рутинных, так и в проблемных ситуациях. В первом случае они способствуют идентификации любых отношений с окружением как установившегося порядка и таким образом – его воспроизведению. Во втором – образуют пространство расхождений между стандартными идентичностями людей

и артефактов, открытое для поиска наиболее социально приемлемых инноваций.

В отличие от антропологически универсальных свойств это измерение понятий идентификации/идентичности полностью относится к результатам социализации. Пока нет научных оснований говорить о том, что свойства экспериментаторов, социальных лидеров и исполнителей являются врожденными. Но независимо от происхождения с точки зрения социальной идентичности оно значимо: по характерным для него признакам люди идентифицируют себя и других, свои и чужие сообщества.

Все сказанное выше позволяет сделать определенные выводы относительно познавательной сути понятий идентификации/идентичности. Как уже было отмечено, выделение антропологически значимых универсальных свойств и способностей позволяет операционализировать понятие самости (self), которое во всех существующих теориях рассматривается в качестве конечного значения, не нуждающегося в специальном определении, врожденного источника любых различий/отождествлений. Когда же рассматривалась степень развитости способностей, овладения соответствующими процедурами и сложности активных связей с окружением, то подчеркивалось, что они представляют собой производную процессов социализации и инкультурации. Соответственно можно считать обращение к их конфигурации способом операционализации понятия «я». В рамках имеющихся современных теорий подчеркивается, что эта составляющая личности является не врожденной, но формируется в контексте отношений индивида с окружением. Тем не менее ее структура остается неэксципированной. При антропологической трактовке оба понятия – self и «я», используемые как фундаментальные детерминанты идентификации/идентичности, могут быть представлены в их генезисе, в качестве инструмента анализа и единицы наблюдения.

Заключение. Целесообразность антропологической трактовки понятий «идентификация/идентичность»

Предлагаемая антропологическая трактовка понятий идентификации/идентичности имеет целью представить их как познавательный инструмент в изучении социокультурной микродинамики. Это становится возможным благодаря эксципированности следующих теоретических положений. Прежде всего выделение адаптационно значимых антропологических универсалий предполагает изначальную вписанность человека в социокультурную реальность и врожденные предпосылки для осуществления различий/отождествлений в этих пределах. Далее, соотнесенность с теоретической моделью социокультурного пространства

предполагает указание на контекст существования людей, из которого они черпают атрибуты для идентификации/идентичности себя, друг друга, артефактов и своей жизненной среды. В данном случае представлены способности и процедуры, опосредующие связи людей с окружением, и степень сложности соответствующих отношений, которые в совокупности определяют структуру процессов идентификации и форм идентичности. Наконец, благодаря этому становится возможной демистификация понятий «я» и «самость» (self). Предлагаемая трактовка понятий «идентификация/идентичность», во-первых, делает понятным социокультурное происхождение представлений о самости и «я»; во-вторых, позволяет теоретически связать понятия личности и социокультурного окружения; в-третьих, делает их инструментом для изучения процессов формирования «естественных» категоризаций, типологий и классификаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлова Э.А. Концепция идентичности/идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 87-111.
2. Орлова Э.А. Антропологические основания изучения идентичности // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII. Вып. 4. С. 123-142.
3. Орлова Э.А. Концепция социокультурного пространства: познавательные возможности // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. IX. Вып. 3 (№ 37). С. 96-112.